

Последний звонок

Маленькая повесть

«А сколько на этой черепахе? Ах, чёрт, я думал, они уже доползли до четырёх... Ладно, добавим часок...»

Свой текст он знал назубок и даже наметил те места, где может сымпровизировать. Но достать из-за пояса пистолет и выстрелить, спускаясь на сцену по десятиметровому вант-трапу, было нелёгкой задачей.

В отличие от горинской мизансцены главреж театра, где служил Евгений, решил эмоционально усилить сцену появления барона Мюнхгаузена. В начале действия герой должен был спускаться не из кабинета по деревянной лестнице, а по верёвочной, что шла, как бы с небес, от самых колосников. Символика замыкалась, когда в финале по ней же он поднимался для своего последнего путешествия.

Эта роль была его мечтой, его последней надеждой сказать нечто своё в актёрском искусстве. И далась она Евгению не просто. Хотя фактурой лица и возрастом актёр подходил идеально, утвердили его не сразу – интриги вокруг неё плели фавориты и приближённые директора театра. Но при поддержке главрежа Женя сумел доказать своё видение этого неординарного характера и философии образа.

- Да, грузноват я стал, - эта мысль пришла почти на середине вант-трапа, когда низ лестницы стал закручиваться винтом под весом его тела. Но актёр погасил эти волнообразные движения и успешно довёл репетицию до конца.

После душа он достал из спортивной сумки сотовый и набрал номер жены. Ответа не последовало.

Был вечер пятницы. Ляля забрала детей на дачу.

За неделю до этого между ними состоялся очередной трудный разговор. Это был и не разговор даже, а судорожная попытка с его стороны объясниться и дать оценку её поведению. Это был «бой с тенью» – холодной, исчезающей тенью его любимой жены. То есть по сути уже не жены и не его любимой.

Всё началось год назад, когда их малышу ещё не было и семи месяцев.

Женя был одним из немногих отцов, который из любви к своему будущему сыну решился взять отпуск по уходу за ребёнком. В театре одни посмотрели на это с довольной ухмылкой, другие – с раздражением, ведь ему нужна была достойная замена и в сказках и в пьесах для взрослых.

Но Женю тогда беспокоило лишь одно: здоровье малыша. Когда он увидел профиль мальчика на «УЗИ», пришла уверенность, что сумеет создать вокруг него атмосферу любви и заботы. В этот момент малыш повернулся, и Женя с улыбкой воскликнул: «Ой, а он уже пальчик сосёт!».

Он снова нервно набрал телефон Ларисы... Шесть гудков, после которых робот женским голосом предложил набрать девять последних цифр номера (хотя их было всего семь) и записать своё сообщение на автоответчик.

«Один из абсурдов нашей повседневной реальности», - подумал Евгений. И, посмотрев себе под ноги, добавил: «А вот и следующий. Только чтобы выровнять дорогу на Кущёвке, просто необходимо снести грейдером двадцать сантиметров земли с гравием и обнажить песок».

Идти по этому песку было всё же легче, чем слушать тяжелые, замешанные на сером бетоне отчуждения, Лялины фразы.

- «Тяжёлый песок»... «Тяжёлый песок»... - произнёс он, закуривая, - Господи, да чей же это роман?.. Вот как разъедает память яд твоих речей, благоверная.

Уже тогда, год назад, он почувствовал неладное. Лариса почему-то резко охладела к нему, из её голоса ушли нежные и милые нотки, она перестала интересоваться его ролями и творческими планами, а однажды даже опоздала на полтора часа на кормление, сославшись на то, что именно её работа кормит всю семью.

- Ни одно оправдание, ни одна причина не стоят Лёвушкиных слёз. Малыш болен, он беспрерывно плачет уже сорок минут. Разве это мыслимо, позволять себе так опаздывать? Чьё сердце выдержит смотреть на это мучение?

- Ну, я же оставила вам молоко в бутылочке? Ты его хоть подогрел?

- Глупый вопрос. «Котята выросли немножко, но пить из блюдца не хотят» - Лёва осилил полбутылочки. Но с ним что-то не то. Ему необходимо живое грудное молоко.

- Ладно, сейчас покормлю. А ты сходи в магазин, купи хлеба, сгущёнку и бананов для Дёмы и Миши.

- Демьяну уже двенадцать, мог бы и сам об этом позаботиться, а он носится неизвестно где.

- Ты опять?! Опять моих детей не жалеешь?! Всё ищешь повод придрасться?! – взвилась Ляля.

- Ладно, успокойся, а то молоко перегорит. Я уже ушёл.

В театре, где Женя работал уже пятый сезон после возвращения в родной город, постоянно ходили слухи, что их директор гомосексуалист. Но актёра мало волновала его ориентация – он старался держаться в стороне от начальства.

Когда же развернулось обсуждение возможных кандидатур на роли в пьесе Горина и подковёрная возня вокруг этого, в гримёрку к Евгению вдруг пожаловал его тёзка Евгений Голобок.

- Старик, я слышал, главный усиленно продвигает тебя на Мюнхгаузена. Скажу без экивоков, отдай мне эту роль... Разойдёмся по-хорошему. Ты мужик видный, и я мог бы оказать тебе некоторые услуги.

- Ты на что это намекаешь, Голобок (этим прозвищем негласно пользовались все, кто знал, какой водится грешок за фаворитом директора)?

В голосе Жени прозвучало неприкрытое презрение.

- Да что ты, что ты... Не психуй, старик. Я всего лишь проверил твою реакцию. Раз уверен в себе, дерзай. Но я мог бы похлопотать о твоём будущем перед Артуром.

- Похлопочи за себя. Перед Господом Богом.

Когда репетиции премьерного спектакля шли уже полным ходом, Женю неожиданно пригласили на беседу к директору.

- Евгений, - хитровато сощутив глаз, начал Артур, - мне нравится, как вы работаете. И главреж вас нахваливает – верно уловили сверхзадачу. Но вы вместе с ним предлагаете уж слишком традиционное решение образа. Оно, мне так думается, несколько устарело.

Времена меняются, социум обогащается новыми идеями, новыми принципами жизни. И мы не должны быть от этого в стороне. В общем, есть такое пожелание, а может даже и предложение. Не могли бы внести в образ Мюнхгаузена некоторые свежие, современные нотки?

- Это какие же, Артур Эмильевич?

- Ну, вот если бы вы где-то вставили, что Мюнхгаузен очень тесно дружил с Сократом. И втроём с Платоном они проводили свои мистерии. Вы понимаете, на что я намекаю?

- Уже понял. Но в пьесе упоминается не Сократ, а Софокл. О Платоне вообще и речи нет.

- Не беда, всё равно Древняя Греция, кто станет проверять. Ведь там они все – писатели и учёные – этой масти.
- Отвечу словами Мюнхгаузена: «Это не мои приключения, это не моя жизнь». А моё отношение к голубым таково: живите, но не умножайтесь. Не стану я прививать к дереву здорового гуманизма идеи и ценности больных людей, увольте!
- Ладно, уволить я вас пока не могу. Но повод всегда найдётся. Идите.

По разбитой вдрызг дороге в магазин Евгению вспомнилось Покровское, где он впервые познакомился с Лялей. Туда его пригласил давний знакомый из компании литераторов и музыкантов, которые праздновали день рождения одного из местных поэтов.

Великолепный пейзаж, что открывался со склона над подёрнутым летним маревом озером, лирические стихи и колоритные украинские песни, тройная уха и горячительные напитки привели его в благостное расположение духа. И спустя час он уже, сам того не замечая, стал отпускать комплименты новой знакомой. Особенно его поразило то, что подавалось ею как одно из трёх достоинств. Оказалось, у этой сорокалетней, стройной, с русалочьими глазами женщины, кроме трёх «красных» дипломов и двух автомобилей, четверо детей. Что за этим стоит, Женя понял только недавно.

Во второй раз они приехали в Покровское уже вместе.

Ляля была на седьмом месяце. Беременность не вызывала у неё никаких отклонений. Вот только периодически возникало страстное желание наесться досыта то клубники, то малины, то абрикос, то слив. И Женя все летние месяцы ежедневно бегал на рынок, разыскивая и принося желаемое.

Село лежало вдалеке от известных дорог. На одном из участков деревья по обе стороны «битого шляха» образовали своими ещё зелёными кронами тенистую арку. И Женя подумал, хорошо бы сделать Лялины фото посреди этой романтической дороги. Но ей почему-то больше нравились подсолнухи, что красовались на полях уже на следующем этапе пути.

В Покровское они добрались, когда солнце уже стояло над раскидистыми старыми ивами, что кое-где украшали склоны реки. Проехав по длинной и пыльной улице со множеством брошенных – и целых, и уже покосившихся – хат, поставили машину у тына и спустились вдоль облупившейся стены дома, что стоял в запустении, вдоль поросшего бурьяном огорода вниз, на косогор у реки. Ляля надеялась, что здесь она найдёт множество лекарственных трав, а главное чабрец и зверобой. Но вся эта местность настолько одичала, что трава, переплетённая понизу колючими кустарниками и пыреем, вымахала в человеческий рост, и продрасть сквозь неё было невероятно трудно.

Они решили обойти препятствие, и тут Женя увидел неподалёку два роскошных сливовых дерева. Ни секунды не колеблясь, он ринулся сквозь заросли, набил карманы и подол футболки иссиня-чёрными, ароматными ягодами. Ещё каким-то чудом, не уронив ни одной, пронёс сквозь «заслон» полную горсть.

Ляля улыбалась, как ребёнок. Видимо, и ребёнок в ней тоже улыбался. Закатному солнцу, спелым сливам, прохладной реке.

Когда всё стало очевидным, Ляля без малейшего стеснения и угрызений совести заявила: «Моё сердце не с тобой. У меня есть друг, коллега из Полтавы. Мы с ним общаемся уже восемь лет. И этой весной в Праге я написала ему такие стихи... Хочешь послушать?».

Этого он выдержать уже не мог. Внутри будто лопнула какая-то важная пружина.

- Твоё сердце должно быть здесь, - Женя указал рукой на сына, ползущего к нему на четвереньках. – Но ты нас предала... Ты переступила через нас... Это бесчестно... Теперь мне понятно, почему ты, бывая за границей, ни разу не интересовалась здоровьем Лёвущки. Тебя унёс адюльтер! И ещё хочешь, чтобы я выслушивал твои исповеди о

прелюбодеянии? Это унижительно. Это какое-то иезуитство... А с точки зрения народной морали – просто блядство.

- Хорошо. Если можешь, прости. Но у нас уже ничего не будет. Я подаю на развод. И не надо меня оскорблять. Я ведь столько для тебя сделала!

- Что уж тут хорошего?! Скажи ещё, что ты меня на улице подобрала!

- А что, не так? Я тебя вытащила из вонючей общаги, я тебя кормлю и одеваю, я тебе сына родила, в конце концов.

- Ну, положим, кормлю вас я. Ты за всё это время даже супа сварить не сподобилась. А то, что ты мне купила с десяток дорогих шмоток, было только твоим желанием. Я тебя об этом не просил! А сына мы рожали вместе... И что дальше? У тебя же всё построено на обмане, лжи, лицемерии. Ты хорошо научилась манипулировать людьми. Это часть твоей профессии. При таком поведении, с такой беспринципностью ты разве сможешь воспитать его настоящим мужчиной?!

- Хорошо. Только не кричи, а то соседи услышат.

- Хорошо кому? Тебе, твоему любовнику?! Мне – горько, больно, обидно.

- Ну, как хочешь. С Лёвкой я тебе видаться не запрещаю, но ищи себе другое жильё, и чтобы к сентябрю я тебя здесь не видела.

- «Тяжёлый песок» - роман Рыбакова.

- Что? Какой роман?

- Да это я так, о своём.

До сентября оставалось ещё пять месяцев.

Женя старался не впадать в депрессию. Десять часов, за вычетом дневного сна Лёвушки, он посвящал сыну. Свободные минуты уходили на чтение новых пьес и любимых рассказов Бальзака. В одной из его книг Женя наткнулся на очерк, который раньше всегда пропускал из-за названия, «Нотариус». Теперь же он притянул именно этим. Это был тот род занятий, который до поры был ему абсолютно не интересен. Но это был тот род деятельности, которым Ляля зарабатывала на жизнь. Женя на одном дыхании прочитал текст. В нём прозорливый и дотошный француз раскрыл все нюансы этой профессии и сущность её представителей. Здесь Женя нашёл много соответствий своим наблюдениям: «Нотариус, принуждённый спускаться до уровня своего клиента, постоянно находится на десять градусов ниже нуля, и при известной всем силе привычки такая роль становится у нотариуса второй натурой. Он низводит дух к материи – увы! – не одухотворяя тела. Не имея никакого характера, помимо характера своей профессии, он становится скучным, потому что все ему докучают. У себя в кабинете он привык выражаться скучными фразами и, завязнув в них по уши, переносит их с собой в светский салон. Интересуясь всем, не интересуется ничем; в итоге ... он доходит до полнейшего безразличия и, в конце концов, становится существом, полным всяческих противоречий, становится ... мягким, но резонёрствующим, фразёром, порою говорящим сжато, скептиком и легковёрным, пессимистом и оптимистом, добряком и бессердечным, порочным или развращённым, но обязательно лицемером».

Увы, это была точная характеристика Ляли. Она то пыталась стать завзятой театралкой, то писала стихи и прозу, то музицировала, перекупив у кого-то почти новую «Украину». Но, как ему показалось, всё это делалось или в подражание кому-то, или из скрытой зависти. Превозмочь кого-то ей уже было не под силу. Но ей обязательно нужно было покорить его своими «талантами».

Когда Женя узнал, что их главреж рискнул взять для постановки пьесу Горина «Самый правдивый», тут же набрал его номер.

- Здравствуй, Паша. – Они были знакомы со студенческих лет, и вне театра Женя мог позволить себе такую фамильярность. – Идёт шум, что ты замахнулся на Мюнхгаузена. Хочешь переплюнуть Марка Захарова?

- Что ты, старик... Не верь слухам... Нам ли, скромным провинциалам, такие горшки обжигать.

- Ладно, не приbedняйся. «Знаем мы, как вы плохо в шашки играете». От завлита слышал, ты текст перечитываешь. Наверное, уже что-то нащупал в сценарных ходах?

- Поживём – увидим.

- А я могу надеяться...

- Надеяться можешь... И, если мешать не будешь своими коррективами, в июле начнём работать. Но учти, на замену я возьму Голобока. Такова воля «всевышнего».

От радости Женя чмокнул Лёвку, который, стоя у дивана, пытался вытащить у него из рук сотовый. И тут же пронеслась мысль: «Да, но как мне быть с ним?».

Решение вопроса, конечно, было в руках Ляли. Он снова включил мобильный.

- Послушай, похоже, мне дадут, наконец, главную роль...

- Так «похоже»? Или дадут?

- Мне нужно будет доказать это в ходе репетиций. Работа над пьесой начнётся в июле. Я очень тебя прошу, подыщи няню для Лёвушки, ведь он уже ходит и многое умеет делать сам. Всё тяжёлое позади, и мне так хочется сыграть Мюнхгаузена.

- Хм... Хорошо, я подумаю. Но ты не забывай, что я тебе уже не жена, и эта квартира не твоя. Когда появится няня, найди время искать варианты на съём. Ты меня понял?

- Я тебя понял.

Уже три недели Женя скитался по чужим углам.

Ляля в очередной раз не сдержала своё слово. В начале августа она забрала ключи, которые Женя оставил няне, и увезла детей на дачу. Об этом он узнал, когда связался с Дашей, Лёвушкиной крёстной. Каждый день – утром, днём и вечером – он делал десятки вызовов, пытаясь дозвониться на оба сотовых Ляли. Но она игнорировала его звонки. Её равнодушное сердце не слышало ничего.

Женю уже мало интересовало то, что у неё появился новый любовник, с которым, по словам Даши, она проводила всё это время. Он хотел одного: увидеть Лёвушку, или хотя бы услышать его трепетный голосок.

Если днём во время репетиций Женя как-то справлялся со своим состоянием (того требовал главреж и законы перевоплощения), то поздним вечером накатывала такая тоска, что порой щемило сердце и сосало под ложечкой.

Возвращаться в общагу он не хотел. Он хорошо знал братьев по цеху – сразу начнутся издёвки, насмешки, сплетни и предложения «выпить с горя». А с этим он покончил, как только родился сын.

Но однажды сорвался.

Ночуя как-то у знакомого музыканта на дальней окраинной улице, Женя вышел покурить, и тут освежённый озоном вечерний воздух принёс запах бархатцев, чабреца и полыни. И он отозвался в его сердце тонкой струной. Это был тревожащий душу запах светлого прошлого. Это был аромат Покровского.

Женя вернулся в дом и пригласил приятеля выпить в театральном кафе.

Перед закрытием, когда они уже изрядно захмелели, туда заявился Голубок. От него пахло коньяком и парфюмами. Тёзка тут же стал задираться.

- Э-э, батенька. Что это вы себе позволяете?.. Перцовка?.. У вас грипп или «томление духа»? Или вы решил развязаться?.. Или ведение трезвого образа жизни вызывает жуткое желание дать кому-нибудь в морду?

- Особенно, если она твоя, Голубок. А впрочем, я сегодня настроен на мирный лад. И, наверное, в чём-то с тобой соглашусь. Но я вижу, тебе охота сравняться со мной. Ладно, есть один вариант, евтушенковский. Помнишь: «Я Евгений, ты Евгений. Я не гений, ты не гений. Я говно и ты говно. Я – недавно, ты – давно».

- Стоп! Женя, вернись! Плохо спал?.. Желудок барахлит?.. Или ты забыл все мои установки? Ты сегодня играешь мимо нот! Вернись к нам, к зрителю! Напоминаю: твоя манера игры должна быть условно-метафорической. Не педалируй, не обостряй конфликт между Карлом и «толпой». И это не «толпа» даже – это его природная среда. Он для неё, акцентирую, для неё (!) живёт, совершает подвиги, рисует волшебные картины.

- А я думал, для Марты...

- Ты ошибался. Но и для Марты в том числе.

- Павел Васильевич, простите, да, возможно, я сегодня не в ударе... Но, как известно, короля делает свита. А господа актёры сегодня тянут ляжку в разные стороны. Каждый спешит прозвездиться.

- Евгений, с этим я разберусь. Это моя работа. Однако прошу: не противопоставляй себя коллективу. Не забывай, твой герой – это безустанный оптимист, видящий в любой жизненной ситуации что-то светлое.

- Безустанный и... беззащитный.

Уставший и голодный он возвращался с репетиции.

Проходя мимо ресторана, где когда-то большой компанией они с Лялей праздновали годовщину Лёвкиного рождения, Женя вспомнил не шумное застолье, а ту наволгшую тишину за окном роддома, скольжение белки по сосновой ветке, её прыжок и... крик ребёнка.

«Неужели это мой малыш? Неужели пришёл тот, кого мы так долго ждали? Да, это мой! Господи, мой сын!! Его пронзительные крики милее любой песни! Какие же у него глаза?», - все эти мысли пронеслись тогда в голове в одно мгновение.

Уже через пять минут Женя держал на руках маленькое, с розовым, но серьёзным личиком, туго запелёнутое тельце сына.

- Боже, как мне хочется его сейчас обнять!

В последнем телефонном разговоре с Лялей он просил:

- Отдай мне Лёвку! Я справлюсь, ведь всё это время справлялся. А в два года я оформлю его в детсад и...

- Ещё чего! Он будет жить со мной! Ты – почти бомж! У тебя даже нет денег снять приличную квартиру.

- А ты понимаешь, что покалечишь его морально? Как и всех предыдущих! Во-первых, тебя неделями не бывает дома. На кого скинешь – на сестёр, на няню? Толку от этого! Во-вторых, я не желаю, чтобы на него влияли твои псевдоизбранники. Чтобы даже смотрели в его сторону!

- Это с какой стати?

- С мужской!

- Что ты мне тут лепишь?

- А то, что Лёва – особенный ребёнок. Если помнишь, он родился на Покрова. А мы с тобой познакомились в Покровском. Не умеешь ты читать священные знаки! Он уже под покровом Богородицы! Я тебя считал Богородицей!.. А во что ты всё превратила?! Господи?.. Зачем?.. Ради чего?.. У тебя ещё будет чередка любовников, и твои похотливые ночные стоны ему слушать ни к чему... курва...

Тут связь и оборвалась.

До премьеры оставался ровно месяц.

Женя мечтал прожить его хотя бы в относительном спокойствии. Чтобы не потерять найденный в роли ритм и нерв, ему, как воздух, нужны были стабильность и уют. В поисках пристойного жилья он посмотрел уже несколько комнат и углов. Один вариант был слишком тёмным, в другом стоял отчётливый запах старческих болезней, третий был просто не по карману. А родственников в родном городе у него уже не осталось. Женя решил обратиться за помощью к Роману Ярошенко, с которым жил в детстве в одном дворе. Ромка был лет на семь младше, но это не мешало им общаться. Сначала за теннисным столом, позже – в театральном кафе, где дважды в неделю собиралась музыкальная и литературная богема. Имея звание кандидата экономических наук, Ромка причислял себя к последней. Очередная его юмористическая книжка называлась «Циничные цыпочки».

Женька позвонил ему в пятницу.

Роман откликнулся на следующий день.

- Что?.. Хочешь поговорить? А-а, по душам... Да, душно у нас в городе... А на море нынче благодать. Да, вчера мы с Аней вернулись... Лазурное... Да, цены подскочили. Пиво в два раза дороже. Ладно, завтра, в три, возле «Визита».

Улыбающийся и загорелый Роман встретил его в условленном месте.

- Ну, что, по пивку?

- Я – пас, а ты – наслаждайся.

Закурили, и Евгений поведал ему о своих злоключениях.

- Вот такие пироги... И последнее, одна-единственная просьба. Знаю, что тебе отошла трёхкомнатная родительская квартира. Что собираешься жениться. Но не мог бы ты сдать мне одну комнату. Всего на месяц. Для меня это сейчас очень важно. За месяц я себе обязательно что-то подберу. Обязуюсь содержать всё в полном порядке. Ты же знаешь, я человек аккуратный. Плачу вперёд.

Роман пристально смотрел на него, глаза его как-то постепенно меркли.

- Угу... Понимаешь, я бы с радостью. Только вот Аня... Мы с ней сделали там ремонт. И она уже чувствует себя хозяйкой. Прости, дружище... Ничего не могу обещать. Мне надо с ней посоветоваться. Я тебе на днях перезвоню. О'кей?

- Добро. Жду сигнала.

Ни через день, ни через три сигнала не последовало.

Накануне премьеры он много раз пытался пробиться к Ляле.

Она по-прежнему не отвечала.

Женя хотел пригласить её на спектакль и увидеть Лёвушку.

- Ладно, утром сделаю ещё один звонок, тогда посмотрим...

Утро пришло с проливным дождём.

Последний звонок был тщетной попыткой зацепиться за какую-то надежду.

- Дождь в дорогу – хорошая примета, - улыбнулся Женя и вышел на улицу.

В театре прозвенел последний звонок.

Шум в зале улёгся... Занавес поднялся...

Справа на сцене стоял муляж разрезанного поперёк громадного вздыбленного коня.

Посередине – декорация замка. А слева сверху на верёвочной лестнице слегка покачивалось тело Жени Лазурского в костюме барона Мюнхгаузена.

Несколько секунд зрители, не понимая, что происходит, оторопело вглядывались в полутёмный проём рампы. Когда включилась боковая «пушка», все ахнули...

В это время душа Жени начала свой полёт к королеве Луны, которую так хорошо знал Карл Фридрих Иеронимус.